Автор: Оргкомитет
13.10.2013 12:00

Победитель Международного литературного конкурса имени Гумилева "Заблудившийся трамвай" в 2005 году. Живет в Царском Селе (Россия). Визитная карточка участника.

Первая любовь

Помню, когда мне было года четыре,
в детском саду у нас завелись глисты.
Я в карантине скучала одна в квартире.
И, наконец, в прихожую к нам влез ты –
Борька-сосед семи с половиной лет.
Мой Робин Гуд перочинный принес стилет.

«Спрячь за высоким забором – пропел, - девчонку.
Выкраду!» - и в замке ковырнул ножом.
Если с засовом справишься чётко, тонко,
мы убежим и детский сад подожжем.
Я не вернусь обратно. Пускай сгорит
хлоркой облитый питомник для аскарид.

Жду я в пижаме из линялой фланели,
словно принцесса – расколдуй и кради.
Мы обманули всех, убежать посмели.

Грезятся приключения впереди.
Через подъезд веди меня, паладин.
Зубом драконьим цыкнет вослед камин.

Ночью сквозь сон процокает кавалькада,
рыцарей, за которой рванём вдвоём –
прочь из детсада, туда, где квадрат заката
красным флажком заправлен в дверной проём.
Не угадать, что скрыто в тени за ним.
Лучше в себе неведенье сохраним...

Вырастешь. Проиграешь квартиру в карты.
Женишься на гречанке. Расставшись с ней,
женишься снова. Только огрызка «Старта»
с липкой ладони твоей не ела вкусней.
Детской свободы привкус под языком
слипся с тобой, что ныне малознаком.

Ассоль

Девушка на причале, челка косая.
Пыльные пятки, с парапета свисая,
чертят узоры на пляжном песочке сером.
Девушка встречи ждет с благородным сэром,

чтобы приплыл, сложил мадригал без мата.
Школьницы сердце – что промокашка, смято
взрослой тоскою, в лифчике тесном парясь.
Щит «Кока-Кола» алеет вдали, как парус.

Нет в перспективе Грея, сплошь – гамадрилы...
Зря она, что ли, зону бикини брила?
Новый купальник купила? Не для него же –
персонажа с сизым тату на коже,

что, приближаясь шагом весьма ленивым,
ибо от шорт до кепки наполнен пивом,
плюхнется рядом, скинув смрадные сланцы.
Вряд ли о нем напишут в журнальном глянце.

Хоть бы скорей слинял, отвял, отцепился!
Лучше весь век одной проторчать у пирса,
библиотечную книжку в руках сминая,
где паруса трепещут, ревёт волна, и
ткётся судьба – пусть лживая, но иная.

* * *

Ты приземлился на все четыре строки
выправив рифму в скользком анжабемане,
и уцелел – один, всему вопреки
в мире – в кефире снежном, в слепом тумане.

Вытянешь руку – и не видать ни зги.
Где акварели, школьные пасторали?
Смолкли звонки, осыпался мел с доски,
радужные каракули постирали.

В Лету плывёт заброшенный плот-приют,
вдаль волочёт сэконд-хенд заношенной жизни.
Тихо в каютах – там не поют, не пьют.
Выйди на ют, удивись, печально присвистни.

Те, у кого гостил ты на пикнике,
сгинули вдалеке - различишь едва ли, -
взмыли в пике, обрушились в тупике,
жизни финал с началом не срифмовали...

Вспомни сентябрь, заветренный апельсин
солнца. На скатерть в винных пятнах заката
ставил корзину яблок хозяйский сын,
ты ему улыбался подслеповато.

Женщина пела, ее конопатый зоб
дёргался в такт, пульсировал, как цесарка.
Как хохотали вы – в унисон, взахлёб!
Заросли осени вас обнимали жарко.

Реанимируй рай, растерянный Ной,
пазл собирай, где каждой твари по паре.
Перелопатив памяти перегной,
звуки и запахи намертво вклей в гербарий.

Припоминай птичий щебет, блеянье коз,
конский навоз и ласточку над конюшней.
Местный наркоз, впаденье в анабиоз,
Жизни вялотекущей, почти ненужной.

Страница автора в Сети